

ФИРСОВА ВАРВАРА СЕРГЕЕВНА

ИНДИЙЦЫ В ЯПОНИИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в Отделе этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Научный руководитель:

Котин Игорь Юрьевич
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
этнографии Южной и Юго-Западной
Азии МАЭ РАН

Официальные оппоненты:

Абашин Сергей Николаевич
доктор исторических наук,
профессор факультета антропологии
Европейского университета в
Санкт-Петербурге

Климов Вадим Юрьевич
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела Дальнего Востока Института
восточных рукописей РАН

Ведущая организация:

Институт этнологии и антропологии им.
Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Защита состоится 14 ноября 2016 года в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан

2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М. Е. Резван

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Диссертация посвящена миграции с Индийского субконтинента в Японию и формированию там транснациональных общин южноазиатского происхождения. Речь в первую очередь идет об индийцах, но рассматриваются и общины выходцев из Пакистана и Бангладеш – частей исторической Индии, а также соседних Непала и Шри-Ланки. Таким образом, в исследовании учитываются исторические особенности развития южноазиатского региона, которые привели к формированию многих общих культурных, религиозных, социально-бытовых черт у жителей различных стран Южной Азии. Со второй половины XX в. большинство стран мира, включая Японию, Индию, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланку и Непал, оказались втянуты в глобальную экономическую систему, которая повсеместно способствует активизации миграционных процессов. Именно поэтому тема диссертации столь актуальна.

Однако глобализация лишь интенсифицировала процессы, которые начались гораздо раньше, вследствие колониальной политики стран Запада, а возможно, и еще раньше – в период формирования торговых путей, миграции идей и религий. В результате этих процессов представители многих этнических групп оказались рассеянными по самым разным уголкам нашей планеты и уже на протяжении нескольких поколений продолжают проживать вдали от исторической родины. Это подтверждает и феномен индийской диаспоры в Японии. Присутствие здесь индийцев опровергает миф об этой стране как о «закрытой» для иностранцев. Индийцы – одна из старейших, наряду с китайской и корейской, иностранная община в Японии, существующая в этой стране уже более 100 лет, сохраняющая при этом этнокультурные черты, присущие выходцам из Южной Азии. Индийцы, как и выходцы из других стран Южной Азии, несмотря на свою малочисленность, на разных исторических этапах вносили значительный вклад в экономику и культуру Японии. Япония, в свою очередь, играла важную роль в социально-экономическом развитии южноазиатской глобальной сети.

В 2014 г. численность мигрантов из Южной Азии составляла ок. 90 тыс. чел. В 1990 г. их было всего ок. 8 тыс. 500 чел. Таким образом, число выходцев из стран Южной Азии увеличилось примерно в десять раз за последние двадцать лет. Они являются наиболее динамично растущей категорией иноэтнического происхождения в Японии, что делает изучение общин индийцев и других выходцев из Южной Азии в Японии довольно актуальным.

В настоящее время Япония переживает экономический и демографический кризис. Быстрое старение населения, низкая рождаемость порождают острый дефицит кадров в некоторых сферах экономики¹. С другой стороны в странах Южной Азии молодежь не

¹Так по прогнозам, доля работоспособного населения в Японии уменьшится с 2012-2020 гг. на 2,8%. Надо отметить также, что это единственная страна Азии, которую ожидает уменьшение работающего населения. При этом в регионе Южной Азии прирост работающего населения будет очень заметным.

По расчетам ООН Япония между 1995 и 2050 г. вынуждена будет принять 17 млн. мигрантов (приблизительно 343 тыс. ежегодно) для

находит применение своим способностям. Это позволяет сделать предположение, что миграционный поток из Южной Азии в Японию в последующие годы, а возможно, и десятилетия, будет увеличиваться.

Международная миграция приводит к формированию в принимающих странах этнических и инокультурных групп населения, которые по мере их роста оказывают значительное влияние на этноконфессиональный состав, политику, культуру принимающих стран. В связи с этим, социо-культурная адаптация мигрантов в принимающих обществах остается важной темой при изучении миграционных процессов. Поэтому представляется важным изучение системы социо-культурной и культурно-бытовой адаптации мигрантов, а также механизмов сохранения и воспроизведения индийцами и другими выходцами из Южной Азии религиозных и культурных практик, принятых на Индийском субконтиненте.

В эпоху глобализации, несмотря на ведущую роль крупных транснациональных корпораций, нельзя недооценивать и роль семейных, родственных, клановых и этнических социальных сетей в мировой экономике. Поэтому изучение этнического бизнеса и деловых практик, связанных с особенностями религиозной, этнической и кастовой принадлежности индийцев и других выходцев из Южной Азии в Японии, является также одной из важных и актуальных тем исследования, представленных в данной диссертационной работе.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются мигранты из Южной Азии, прежде всего индийцы в Японии, а также их этнические общины. Предмет исследования - история миграции из Южной Азии в Японию, процессы формирования транснациональных общин южноазиатского происхождения, особенности социо-культурной и культурно-бытовой адаптации, воспроизведение и сохранение религиозно-культурной практики в диаспоре.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного исследования является рассмотрение характера миграции из Индии и, позднее, - других стран Южной Азии. Для реализации указанной цели в ходе работы решались следующие исследовательские задачи:

1. Анализ исторического процесса миграции из стран Южной Азии в Японию (выделение основных волн миграции);
2. Изучение факторов, вызывающих миграцию в Японию из стран Индийского субконтинента;
3. Анализ отношения мигрантов к своей исторической родине в контексте их транснационального образа жизни;
4. Анализ взаимоотношений мигрантов с принимающим японским обществом;
5. Рассмотрение особенностей культурно-бытовой адаптации мигрантов;

того, чтобы сохранить численность населения. А для того, чтобы сохранить численность работающего населения, Япония должна будет принять примерно 33,5 млн. мигрантов (примерно 647 тыс. чел. ежегодно). В первом случае число мигрантов и их потомков составит к 2050 г. 18% от населения, а в последнем – 30%

6. Рассмотрение сохранения и трансформации традиционных социальных институтов, таких как семья, религия, каста, этнического бизнеса и др. у выходцев из Южной Азии в Японии;
7. Анализ изменения самоидентификации у выходцев из Южной Азии в Японии.

Методология исследования. Основным методом данного исследования является сравнительно-исторический. В исследовании применяется также системный подход и анализ. Сравнительно-исторический метод предполагает рассмотрение изучаемых объектов в процессе их зарождения, развития и перспектив будущего изменения, а также посредством сравнения устанавливаются сходства и различия изучаемых явлений и их анализ. Системный подход позволяет выделить составляющие компоненты и группы южноазиатских общин в Японии: этнические, религиозные и кастовые. Благодаря этому методу удается также выявить и описать наличие связей между ними, а также внешние и внутренние факторы, влияющие на сохранение и изменение компонентов южноазиатских общин.

При сборе полевого материала автором применялись основные методы полевых этнографических исследований: включенное наблюдение, интервью и опросы-беседа.

Источниковая база исследования подразделяется на три группы.

Первую группу источников представляют официальные японские документы, в том числе статистические данные по численности мигрантов, предоставляемые Министерством юстиции Японии, результаты переписей населения за разные годы, а также данные Индийской торговой палаты в Японии (на японском и английском языках) и т.д.

Вторая группа источников представляет собой полевые материалы автора диссертации: интервью выходцев из Южной Азии, листовки и брошюры, принадлежащие южноазиатским общественным организациям в Японии. К этой же группе можно отнести предметы традиционной материальной культуры (одежда, украшения, традиционные блюда, утварь и т.д.), некоторые фото которых помещены в Приложении к данной диссертации.

Всего было взято 41 структурированное интервью у мигрантов из Южной Азии и сделано более 200 фотографий. Автор диссертации посетила различные общинные праздничные и религиозные мероприятия, включая закрытые мероприятия, такие как празднование Дней рождений, годовщин свадьбы и т.д., на которых была возможность сделать ценные наблюдения относительно особенностей жизни индийцев и других выходцев из Южной Азии в Японии. Одной из площадок исследования стал центр классического танца катхак, участницей которого наряду с японками и индианками была диссертант. Исследование, главным образом, проводилось в Токио, Осаке и Кобэ. Кроме собственных полевых материалов диссертант использовал статистические данные, материалы неопубликованных исследований и публикации, хранящиеся в архивах и библиотеках Японии.

Степень разработанности проблемы. Приходится отметить немногочисленность работ, посвященных миграции из Южной Азии в страны Азиатско-Тихоокеанского ре-

гиона и, в частности, в Японию. Западные и японские исследователи в своих трудах обычно ограничивались изучением какой-либо одной этноконфессиональной группы, выходцев из одной страны региона Южной Азии или же определенным периодом миграции индийцев в Японию. Комплексное исследование по миграции из Индии и других стран в Японию представляется актуальным для современной этнографии. Действительно, у выходцев из Южной Азии, проживающих за пределами субконтинента, можно отметить общие черты культуры и быта, религиозных практик. Кроме того, наблюдается и определенная степень солидарности среди мигрантов из разных стран южноазиатского региона. Отмечается представление об общем регионе происхождения даже среди представителей разных этнических общин. Интересно и явление этносоциальной мимикрии, когда представители одной политонимной группы позиционируют себя как представители другой, например, непальцы и бангладешцы в индийских ресторанах могут называть себя индийцами. Исходя из этого, можно сделать вывод, что их миграционный опыт, в целом, схож между собой и нуждается в комплексном рассмотрении и сравнительном исследовании.

Из обобщающих работ по истории южноазиатской диаспоры следует отметить труды Хью Тинкера². Американский социогеограф Стивен Вертовеч³ также опубликовал ряд важных работ по интересующей нас теме. Особое внимание он уделяет сохранению южноазиатских религиозных практик в диаспоре. Одна из интересных обобщающих монографий подготовлена профессором Оксфордского университета Джудит М. Браун⁴. Автор подробно рассматривает историю эмиграции выходцев из Южной Азии, проблемы их культурной и хозяйственной адаптации в Великобритании, а также их многочисленные связи с исторической родиной. Нельзя не упомянуть сборник, посвященный индийской диаспоре в разных странах, вышедший под редакцией К. А. Якобсена и П. Кумара⁵ о религиозных практиках, осуществляемых в различных этнических общинах индийцев в разных странах.

До недавнего времени практически не привлекала внимания тема предпринимательской деятельности индийцев за пределами субконтинента, особенно в колониальный период. Вероятно, это можно объяснить тем, что миграция предпринимателей во времена Британской Индии не была массовым явлением и воспринималась современниками как временный отъезд предпринимателей, не влекущий за собой долговременной эмиграции. Именно поэтому она была относительно плохо задокументирована колониальными властями. Тем не менее, работы Клода Марковица⁶ и Марка Э. Фэлзона⁷, посвященные транснациональной этнической предпринимательской сети синдхов, восполнили пробел в научной литературе по предпринимательской миграции. При этом, если К. Марковиц

² *Tinker H.* The Banyan Tree. Overseas emigrants from India, Pakistan and Bangladesh. Oxford, 1977.- 214 p.

³ См., напр.: *Vertovec S.* Religion and Diaspora / Paper presented at the conference on «New Landscapes of religion in the West». Oxford, 2000.

⁴ *Brown J.M.* Global South Asians: Introducing the Modern Diaspora. New Delhi: Cambridge University Press, 2007. – 197 p.

⁵ *Jacobsen K., Kumar P.* South Asians in the diaspora. histories and religious traditions / ed. by Knut A. Jacobsen a. P. Pratar Kumar. Leiden Boston: Brill, 2004. – 513 p.

⁶ *Markovits C.* The Global World of Indian Merchants, 1750–1947: Traders of Sind from Bukhara to Panama. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 327 p.; *Markovits C.* Indian merchant networks outside India in the nineteenth and the twentieth centuries // *Merchants, Traders, Entrepreneurs: Indian Business in the Colonial Period.* London: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 220–251.

⁷ *Falzon M.A.* Cosmopolitan Connections: The Sindhi diaspora, 1860–2000. – Leiden: Brill, 2000. – 294 p.

больше внимания уделял истории развития сети синдхов и других предпринимательских общин в эпоху колониализма, то М.А. Фэлзона интересуют вопросы, связанные с образованием транснациональной синдхской диаспоры и осуществлением ее членами транснациональной бизнес-практики через этнические социальные сети. В двух последних работах также уделено внимание значению Японии в развитии синдхской предпринимательской сети.

Работы Аниты Чугани⁸ и Мамты С. Кумар⁹ посвящены исследованию синдхской общины в Японии. Эти работы представляют особый интерес, так как их авторы сами являются выходцами из синдхской общины в Японии.

Большое значение как работа по транснациональным общинам имеет монография Джозеля Коткина¹⁰, представляющая собой комплексный компаративный анализ роли и механизмов этнической экономики в современном мире. Дж. Коткин прослеживает связь между этничностью, солидарностью членов одной группы и успехом во времена глобальной экономики. Одна из глав его книги посвящена «глобальному индийскому племени». В ней Дж. Коткин, насколько известно автору диссертации, впервые среди западных исследователей рассматривает современную индийскую предпринимательскую сеть в Японии и подчеркивает ее особое значение для развития глобальной индийской диаспоры.

Отечественные авторы также внесли существенный вклад в изучение выходцев с Индийского субконтинента за рубежом. Впрочем, они практически не затрагивают тему миграции в Японию за исключением монографии И.Ю. Котина «Побеги баньяна»¹¹. Одной из первых отечественных работ, посвященных индийцам за рубежом, стала книга А.Д. Дридзо¹², посвященная индийцам Тринидада и Ямайки. В 1978 г. вышла в свет монография «Индийцы и пакистанцы за рубежом», написанная в соавторстве А.Д. Дридзо, В.И. Кочневым и И.М. Семашко.

Проблемы массовой эмиграции с субконтинента в Великобританию впервые в отечественной литературе нашли отражение в монографии В.И. Козлова «Иммигранты и этнорасовые проблемы в Великобритании»¹³, в которой затронуты вопросы, связанные с адаптацией мигрантов и межрасовыми конфликтами. Наиболее полными работами по данной тематике представляются труды И.Ю. Котина¹⁴. Автор разносторонне рассматривает историю и современные аспекты международной миграции индийцев и других выходцев из Южной Азии. Особое внимание в его трудах уделено странам с многочисленной индийской диаспорой – Великобритании, США, Канаде и Австралии. В этих иссле-

⁸ *Chugani A.G.* Indians in Japan: A Case Study of the Sindhis in Kobe. Unpublished M.A.Thesis submitted to the Graduate Division of the University of Hawaii, May 1995. – 144 p.

⁹ *Kumar M.S.* Trade of the Times: Reconceiving «Diaspora» with the Sindhi Merchants in Japan. National university of Singapore, 2010. A Thesis submitted. – 240 p.

¹⁰ *Kotkin J.* Tribes: how Race, Religion and Identity determine success in the New Global Economy. New York: Random house, 1994. – 343 p.

¹¹ *Котин И.Ю.* Побеги баньяна: Миграция населения из Индии и формирование узлов южноазиатской диаспоры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 265 с.

¹² *Дридзо А.Д.* Этнокультурные процессы в Вест-Индии. – Л., 1978. – 224 с.; *Дридзо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М.* Индийцы и пакистанцы за рубежом. – М., 1978. – 253 с.

¹³ *Козлов В.И.* Иммигранты и этнорасовые проблемы в Великобритании. – М., 1987. – 204 с.

¹⁴ *Котин И.Ю.* Побеги баньяна: Миграция населения из Индии и формирование узлов южноазиатской диаспоры. – СПб., 2003. – 265 с.; *Котин И.Ю.* Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. – СПб., 2009. – 225 с. и др.

дованиях подробно анализируются этнокастовый состав южноазиатской диаспоры, участие ее представителей в политической жизни стран, проблемы расизма и дискриминации, культурно-бытовой адаптации мигрантов и т. д. И.Ю. Котиным была также рассмотрена индийская община на Филиппинах¹⁵. При этом можно отметить её значительное сходство с индийской общиной в Японии.

Диссертантом изучен значительный круг источников и научной литературы на японском языке. Первое описание индийской предпринимательской общины на японском языке содержится в монографии Футами Сэнпэя¹⁶ 1958 г. «История экспорта шелка из Иокогамы», в которой значительное внимание уделено индийским предпринимателям в Иокогаме и их роли в осуществлении торговли японским шелком по всему миру. Лишь в 1994 г., спустя почти 40 лет после выхода монографии Футами Сэнпэя, вышел специальный номер журнала «Нитиин бунка» («Культура Японии и Индии») кансайского общества японо-индийской дружбы, посвященный формированию индийской диаспоры в Японии. Среди статей выпуска необходимо выделить работу Томинаги Тидзуко¹⁷ по истории формирования индийской диаспоры в Токио, Кобэ и на Окинаве, а также культурно-бытовой адаптации ее членов. В статье воспроизведено большое количество фрагментов интервью, взятых Т.Тидзуко у представителей различных индийских общин. В 1999 г. в новом выпуске журнала «Нитиин бунка» вышло продолжение этой статьи, благодаря которому можно рассмотреть изменения, произошедшие в рассматриваемой индийской общине.

Симидзу Хироси¹⁸ интересовала экономическая история индийского предпринимательства в Японии. Его труды представляют особый интерес, так как основаны на японских архивных материалах. Процессы формирования современной индийской общины в Японии достаточно полно описаны в работах Сава Мунэнори и Минамино Такэси¹⁹. В частности, авторы рассматривают образование индийской общины в районе Токио – Нисикасай, где проживают преимущественно программисты из Индии. Они рассматривают «индийский город» в Нисикасай как важную часть развития «глобального города» Токио.

Проблеме нелегальной трудовой миграции посвящена монография Комаи Хироси²⁰, в которой он немало внимания уделяет нелегальной миграции из Пакистана и Бангладеш. Автора преимущественно волнуют вопросы, связанные с дискриминацией иностранцев в

¹⁵ Котин И.Ю. Сикхи, синдхи и другие «бумбаи»: индийцы на Филиппинах // *Philippinas muna!* Филиппины прежде всего: К 80-летию Г.Е. Рачкова / М.В. Станюкович. – СПб., 2011. – С. 461–470.

¹⁶ Футами Сэнпэя Ёкохама юсюцу кину гё:си (История экспорта шелка из Иокогама). – Ёкохама, 1958. – 682 с.

¹⁷ Томинага Тидзуко Индодзин имин сякай но рэкиси то гэндзё: Ёкохама, Кобэ, Окинава (История и настоящее индийской общины в Иокогама, Токио, Кобэ и Окинава) // *Нитиин бунка*. – 1994. – С. 58–95; Томинага Тидзуко Индодзин имин сякай но рэкиси то гэндзё: Ёкохама, Кобэ, Окинава (дзоку) (История и настоящее индийской общины в Иокогама, Токио, Кобэ и Окинава (продолжение)) // *Нитиин бунка*. – 1999. – С. 52–79.

¹⁸ Shimizu Hiroshi. The Indian merchants of Kobe and Japan's trade expansion into Southeast Asia before the Asian-Pacific War // *Japan Forum*. – 2005. – Vol. 17. – 1. – P. 25–48.

¹⁹ Минамино Т., Сава М. Дзайнити индодзин сякай но хэнсэн – Тэйдзюти Ко:бэ дзицурэй тоситэ (Изменения индийской общины в Японии на примере индийской общины в Кобэ) // *Хё:го тири* (География Хё:го). – 2005. – № 50. – С. 4–15; Сава М., Минамино Т. Гуро:барусити То:кё: ни окэру индодзин сю:дзю:ти но кэйсэй (Основание в глобальном городе Токио места поселения индийцев) // *Кокуруи миנדзокугаку хакубуцкан тё:са хо:коку*. – 2009. – С. 41–58.

²⁰ Komai Hiroshi. *Migrant workers in Japan*. London and New York: Kegan Paul International, 1995. – 305 p.

Японии, тем не менее, здесь можно почерпнуть некоторые ценные сведения и этнографического характера. В фокусе исследований Хигути Наото²¹, Окаи Хирофуми²² и др. оказались мигранты из Бангладеш и Пакистана, их предпринимательская деятельность и создание этнической социальной сети. Они также исследовали мигрантов после их возвращения на родину и влияние миграционного опыта на их дальнейшую жизнь. Изучению нелегальной миграции из Непала посвящены труды Минами Макито²³ и Яманака Кэйко²⁴.

Исследования упомянутых авторов и введенный в научный оборот материал были учтены диссертантом, но в значительной степени предложенное к защите диссертационное исследование проведено также с использованием собственных полевых материалов, зарегистрированных и переданных в архив МАЭ РАН.

Научная новизна диссертации состоит в том, что это – первая работа в отечественной этнографии по миграции индийцев в Японию. Исследование проводилось на базе собственных материалов диссертанта, собранных во время полевых исследований в Японии в период с сентября 2011 по сентябрь 2012 гг., а также с использованием японских и западных источников, не использованных ранее отечественными учеными.

Теоретическое и практическое значение диссертации. Диссертационное исследование вводит в научный оборот авторский полевой материал о транснациональных общинах выходцев из Южной Азии в Японии и является вкладом в изучение диаспор, транснационализма и транснациональных сетей. В исследовании разрабатывается проблематика самоидентификации представителей этнических и религиозных меньшинств вне страны происхождения и социокультурной и культурно-бытовой адаптации мигрантов в принимающей стране.

Выводы диссертации могут найти применение при написании обобщающих работ по миграционным процессам. Они также могут быть полезны при изучении истории и современной этносоциальной ситуации в Японии.

Работа может быть полезна для востоковедов, этнографов, религиоведов, которые могут привлекать ее к разработке курсов и спецкурсов по этнографии Индии, Южной Азии, Японии, диаспорологии и транснационализму.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Индийская община существует в Японии уже более ста лет, однако индийцы так и не ассимилировались в японском обществе. Основная причина этого заключается

²¹ Хигути Наото, Инаба Нанако Дзайнити бангурадэсюдзин родося: дэкасэги кикэцу. Кикан имин 50 нин э но кикитори о цудзитэ (Подведение итогов рабочих мигрантов из Бангладеша в Японии. На основе интервью у 50 вернувшихся на родину мигрантов) // Ибараки дайгаку тиики со:го: кэнкю:дзэ нэнпо:. – 2010. – № 36. – С. 43–66; Хигути Наото Дзайнити гайкокудзин но эсуникку бидзинэсу: кокусэки бэцу хикаку кокороми (Этнический бизнес иностранцев в Японии: попытка сравнения мигрантов из различных стран) // Адзия гайхэйо: рэбю:. – 2010. – С. 2–16.

²² Окаи Хирофуми. Исуро:му нэттова:ку но тандзэ:. Мосуку но сэцурицу то исуро:му кацудо: (Основание мечетей и деятельность исламских организаций) // Коккэ: о коэру. Дзайнити мусуриму имин но сьякайгаку (Преодоление границы. Социология мигрантов мусульман в Японии) / ред. Н. Хигути, 2007. – С. 178–209.

²³ Минами Макито Васураэрта гайкокудзин: нэпа:ру дзин идзю: родо:ся но гэндзай (Забываемые иностранцы: настоящее непальских рабочих мигрантов) // Адзия ю:гаку. – 2008. – С.130-137.

²⁴ Yamanaka Keiko Nepalese labour migration to Japan: from global warriors to global workers // Race Ethnicity and migration in modern Japan. Vol.III. – London and New York: Routledge Curzon, 2004. – P.138-169.

в транснациональном образе жизни мигрантов из Южной Азии и закрытости японского общества по отношению к иностранцам.

2. Индийская община в Японии играет важную роль в поддержании глобальной индийской (южноазиатской) этнической социальной сети.
3. Другие группы южноазиатского происхождения, занимая определенные экономические ниши, демонстрируют родство с социокультурными и культурно-бытовыми нормами индийцев, а порой и идут на социальную мимикрию, допуская свою идентификацию с индийцами.
4. Анализ демографической, культурной и социально-экономической ситуаций, а также характера этнических социальных сетей в Японии и в странах Индийского субконтинента позволяет сделать предположение о будущем увеличении численности мигрантов из этого региона и продолжении сохранения мигрантами собственной этнической идентичности.

Апробация работы. Основные результаты исследования и отдельные положения работы освещены в докладах на научных конференциях: «Азиатская миграция в современном контексте» (11 ноября 2008 г. Восточный факультет СПбГУ), Санкт-Петербургской конференции молодых японоведов (СПбГУ, ноябрь 2010); Семинаре по гуманитарным наукам (Japan foundation, Токио, март 2011); Заседании японского научного общества изучения Южной Азии MINDAS (Государственный музей этнологии г. Осака 16 июня 2012); Ежегодной итоговой годичной научной сессии «Радловские чтения» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2012, 2016); Кюнеровские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург 2014, 2015, 2016); Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения» (ИВР РАН 4 декабря 2012); XVI межвузовской научной конференции «Бог. Человек. Мир» (РХГА, 20 декабря 2013, 2015). XVI Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в СПб (РХГА, 25 мая 2016).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений. В приложении помещены таблицы, карты, иллюстрации и фотографии.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов работы, формулируются ее основные цели и задачи, приводится анализ наиболее важных источников и литературы.

Глава 1 «Миграции населения, диаспоры и транснационализм: теоретические аспекты изучения» состоит из шести разделов и посвящена теоретическим проблемам и подходам к изучению миграции, которые представляются применимыми для изучения южноазиатских общин в Японии.

В §1 «Миграции населения и проблемы их изучения» рассматриваются основные подходы к определению миграций и способам их изучения с позиций этнографической науки.

§2 «Теория транснационализма и изучение этнических диаспор» рассматривает соотносимость ключевых терминов, применяемых для описания зарубежных общин мигрантов, таких как «диаспора», «транснационализм», «транснациональные общины». Эти термины по-разному понимаются различными исследователями.

Один из классических подходов к определению диаспоры разработан Уильямом Сэфрэнном. Практически все пункты теории У. Сэфрэна базируются на определении диаспоры как возникших в результате миграции систем общин, сохраняющих связь со страной своего происхождения. Это выражается в так называемом «мифе о возвращении» (идеализация родины). Мигранты могут высказывать стремление к возвращению на историческую родину. Тем не менее, сам по себе этот миф не ведет к реальным действиям по подготовке к возвращению²⁵. Однако В.А. Тишков считает, что мигранты ориентированы не столько на культурные корни в каком-то особом месте и желании возврата, сколько на стремлении воссоздать свою культуру в различных местах нахождения²⁶.

Многие исследователи выработали собственные подходы к определению диаспор, основываясь на положениях теории У. Сэфрэна. Среди них необходимо выделить Робина Коэна²⁷. Он расширил определения диаспоры, прежде всего, за счет акцентирования особенности диаспоры как транснационального феномена.

Транснационализм как новую парадигму в теории миграции предложили исследователи Н. Глик-Шиллер, Л. Баш и К. Бланк-Зантон в середине 90-х гг. XX в. Под транснационализмом они понимали «процесс, с помощью которого иммигранты создают и поддерживают многослойные социальные связи, объединяющие страны происхождения и поселения». Трансмигрантов они определяют как мигрантов, чья ежедневная жизнь зависит от множественных и повседневных связей, пересекающих национальные границы. А их коллективная идентификация формируется в тесной взаимосвязи с более чем одним национальным государством²⁸. Понятие транснационализма в целом соответствует философскому воззрению эпохи пост-модернизма, в частности, *номадологической* теории Ж. Делеза и Ф. Гваттари и выдвинутому ими в рамках теории в 1976 г. понятию *ризомы*. Ризома – термин, взятый из биологии, обозначающий стелющуюся культуру, которая имеет запутанную структуру переплетенных отростков и побегов, растущих в разных направлениях. Для транснационализма, как и ризомы, характерна неустойчивость, хаотичные передвижения, он постоянно подвержен изменениям.

§3 «Этнические социальные сети и миграция» рассматривает само понятие этнических социальных сетей. Также отмечается, что особенно эффективен анализ сетей при

²⁵ Safran W. Diasporas in modern societies: myths of homeland and return // Diaspora. – Vol. 1. – № 1. – P. 94.

²⁶ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. – № 2. – С. 43–63.

²⁷ Cohen R. Global Diasporas. Introduction. – London: Routledge, 2008. – 219 p.

²⁸ Glick-Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. From immigrant to transmigrant: theorizing transnational migration // Anthropological quarterly. – 1995. – Vol. 68. – № 1. – P. 48.

транснациональном подходе, когда нужно определить индивидуума и его/ее поддерживающую сеть как подходящую единицу анализа в этой области.

§4 «Этничность в контексте миграции» рассматривает как транснациональный образ жизни может влиять на этническую самоидентификацию мигрантов.

«Миф о возвращении» мигрантов постепенно теряет значение в связи с развитием транснациональной мобильности, постоянным перемещением людей между странами. Это порождает новые вопросы о том, общинам каких стран принадлежат мигранты, принимающих или отправляющих, а также как меняется этническое самосознание индивидуума в условиях транснационализма.

С. Вертовеч считает, что глобализация и укрепление транснациональных связей приводят к вовлечению диаспоры в образование новых этничностей и гибридных культур. При этом происходит пересмотр примордиалистского подхода к пониманию этноса, в рамках которого этнос определялся как исторически сложившаяся «на определенной территории совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании...»²⁹. В рамках конструктивизма и инструментализма исследователи склонны обращаться к производному от этноса понятию «этничность», которое представляет собой совокупность признаков, определяющих этнос. Теперь все больше исследователей полагают, что этничность мобилизуется в диаспоре и, как и многие ее составляющие, такие как язык, регион происхождения, является категорией выбора мигрантов, а не данностью.

При анализе научных подходов к определению природы этничности (этноса) автору диссертации ближе всего оказалась концепция «примордиального конструктивизма», разрабатываемая исследователем М.Дж.Тезичем, которая как нам кажется, удачно синтезирует в себе основные положения примордиализма и конструктивизма. Главная особенность данного подхода заключается в том, что он рассматривает этничность как некую объективную реальность (осознаваемую человеком в результате первичной социализации) на основе субъективного ощущения³⁰.

Сложность существования мигрантов в принимающих культурах приводит к попыткам найти баланс между преодолением отчуждения окружающей среды и принадлежностью к определенной этнической группе. И как следствие происходит образование новых идентификаций, таких, которые С. Вертовеч определяет как «диаспоральное самосознание». Это особый вид самосознания, который формируется среди членов современных транснациональных общин, когда члены диаспоры осознают свою мультилокальность³¹. Южноазиаты в Японии осознают себя «чужаками», «иностранцами», но в то же время они

²⁹ Бромлей Ю.В. Современные этнические процессы в СССР. – М., 1975. – С. 11.

³⁰ Тезич М. Дж. «Примордиальный конструктивизм» как теоретико-методологическая основа исследования этнической идентичности // Современная социологическая методология – от теории к практике. Сборник научных статей по итогам II Ежегодной социологической школы / Под редакцией А.О. Боронова. – СПб., 2012. – С. 261–271.

³¹ Vertovec S. Three meanings of 'diaspora', exemplified among South Asian religions [Электронный ресурс] // Transnational Communities Programme. – 1999. – P. 8.

теряют и идентификацию с определенным регионом происхождения, который в случае синдхов, например, становится уже почти «мифической родиной». Они ощущают свою принадлежность к глобальному сообществу выходцев из Южной Азии в других странах. При этом сильны тенденции на установление транснациональных связей с представителями таких же общин в других странах.

§5 «Этнический бизнес как способ мобилизации этнической солидарности» показывает, что через рассмотрение этнического предпринимательства, хорошо видны современные взгляды на природу этничности, сочетающие в себе как примордиалистские, так и конструктивистские подходы. С одной стороны, каждого владельца собственного бизнеса в определенной локальности можно рассматривать как индивидуального предпринимателя, ищущего свою коммерческую выгоду, а с другой – предприниматели являются частью более широкой группы людей, принадлежащей к единой, нередко транснациональной общине, которая во многом влияет на их индивидуальную деловую практику.

Видные исследователи этнического предпринимательства Р. Уолдингер, Х. Олдрич и др. рассматривают этничность как набор связей и регулярных моделей взаимодействия между людьми, разделяющими общую этническую идентичность или миграционный опыт. С их точки зрения этничность – не данность, а результат схемы, по которой сформированы меж- и внутригрупповые взаимодействия. Этничность приобретает, когда социальные связи между членами группы помогают установить определенную концентрацию представителей определенной этнической группы в профессиональной деятельности, производстве или пространстве³².

К. Марковиц придерживается сходной точки зрения, считая, что предпринимательские сети, базирующиеся на чувстве принадлежности к общей этнической или земляческой группе – это исторически складывающаяся конструкция, которая постоянно воссоздается в результате потока сделок, связывающих различных участников³³. Итак, ведущие исследователи этнического бизнеса рассматривают этничность в контексте этнического бизнеса как некую воспроизводимую идентичность.

В §6 «Индийцы и мигранты из Южной Азии в Японии как предмет этнографического исследования» приводятся доводы в пользу того, что индийцев в Японии необходимо рассматривать в совокупности с другими выходцами из Южной Азии. Действительно, у мигрантов из Южной Азии, проживающих за пределами субконтинента, наблюдаются общие черты культуры, быта и религиозных практик. Кроме того, наблюдается и определенная степень солидарности среди выходцев из разных стран южноазиатского региона, и представление об общем регионе происхождения даже среди представителей разных этнических общин. Также можно сделать вывод, что для большинства мигрантов из Южной Азии в Японии характерна низкая степень адаптации, что объясняется как закрытостью

³² *Waldinger R., Aldrich H., Ward R. Opportunities, group characteristics and strategies // R. Waldinger, H. Aldrich, R. Ward (Eds.). Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies. Newbury Park: Sage Publications, 1990. – P. 34.*

³³ *Markovits C. Ethnicity, locality and circulation in two diasporic merchant networks from South Asia // The South Asian Diaspora: Transnational Networks and Changing Identities. – Singapore: Editions Dider Millet, 2009. – P. 22.*

японского общества для иностранцев, так и консервативностью самих мигрантов. Диссертант считает, что это делает допустимым и необходимым рассмотрение выходцев из Южной Азии в рамках южноазиатской диаспоры, которая представляет собой совокупность различных южноазиатских общин.

В главе 2 «Начало миграции в Японию. Формирование индийских предпринимательских общин» рассматриваются история и экономический фон миграции из стран Индийского субконтинента в Японию. Глава состоит из девяти разделов.

В §1 «Начало контактов» рассмотрены самые ранние контакты между Индией и Японией. Считается, что первым индийцем, достигшим берегов Японии, был Бодхисена (Ботай Сэнна в японской фонетике, 704–760 гг.), буддийский монах из Южной Азии. Бодхисена пользовался большим уважением японского императора Сёму (701–756). В современной Японии он известен прежде всего как один из четырех «отцов-основателей» храма Тодайдзи в г. Нара, а также знаменит своей руководящей ролью в церемонии освящения гигантской статуи Будды Вайрочана, находящейся в храме.

В японских исторических хрониках можно найти записи о прибытии других странников из Южной Азии. Тем не менее, территориальная удаленность Индии и Японии, а также последующая политика самоизоляции Японии от внешнего мира в течение двух столетий (сер. XVII – сер. XIX вв.) препятствовали прямым контактам между двумя странами.

§2 «Формирование общины в г. Иокогаме (1854-1923 гг.)» рассматривает начало миграции индийских предпринимателей в Японию. Япония вынуждена была заключить в 1854–58 гг. так называемые «ансэйские договоры» – неравноправные торговые договоры с США, Великобританией, Россией, Нидерландами и Францией. К тому времени большая часть Индии оказалась под контролем Британской Ост-Индской компании (Британской короны – с 1858 г.), которая стремилась также расширить свою зону влияния на Дальнем Востоке. После этого, пользуясь покровительством Великобритании, в Японию из Британской Индии начали приезжать предприниматели – члены индийских торговых общин: гуджаратцы (парсы, исмаилиты-бохра), сикхи, но индусы-синдхи постепенно начали составлять большинство. Благодаря налаженным предпринимательским сетям по всему миру, синдхи были наиболее важным партнером для японских фирм. Большинство индийцев были заняты торговлей шелком, основным экспортным товаром Японии того времени.

§3 «Формирование общины в г. Кобэ (1923-1939 гг.)» рассматривает второй этап формирования индийской предпринимательской общины. Первоначально индийцы в большинстве своем селились в г. Иокогама, и к 1918 г. здесь насчитывалось 60 только синдхских фирм. Однако после того, как в результате Великого Токийского землетрясения 1 сентября 1923 г., в эпицентре которого оказалась Иокогама, большинство индийских фирм было разрушено, а 23 индийских предпринимателя погибли, индийцы предпочли переехать в г. Кобэ. Вплоть до 80-х гг. XX в. Кобэ продолжал оставаться основным местом концентрации индийской общины. Расцвет индийских фирм в г. Кобэ приходится на

конец 30-х гг. XX в., а также первые послевоенные годы, когда индийцы контролировали до 80 % экспорта текстиля из Японии.

§4 «Индийцы в Японии во время Второй мировой войны (1939-1945 гг.)» описывает, как в военное время в Японии находили прибежище борцы за освобождение Индии от британского колониализма (среди них, например, А.М. Наир, А.М. Сахаи, Р.Б. Бос и др.). Неоднократно бывал в Японии и С.Ч. Бос, один из ведущих лидеров национально-освободительного движения в Индии, приступивший к созданию на территории оккупированных Японией английских колоний в Юго-Восточной Азии Индийской национальной армии. За годы войны коммерческие связи между Японией и индийскими коммерсантами были прерваны. С другой стороны, поддержка Японией движения за независимость Индии, а также совместные военные действия индийцев и японцев в Малайе способствовали политическому сближению наций, что можно наблюдать и в наше время.

§5 «Индийская община в послевоенный период по настоящее время» рассматривает последний этап формирования индийских предпринимательских общин. После окончания войны, ок. 1948 г., индийские предприниматели начали возвращаться в Японию. Послевоенная миграция была тесно связана с довоенной и имела цепной характер, свойственный индийской миграции в целом. Вновь прибывшие коммерсанты были родственниками, друзьями или партнерами предпринимателей, имевших бизнес в довоенной Японии. Они принадлежали к тем же торгово-ростовщическим общинам. На льготных условиях им предоставлялись помещения и кредиты. Если до войны в Японию приезжали преимущественно одинокие предприниматели, то в послевоенное время индийцы начали привозить свои семьи.

В настоящее время индийские предприниматели продолжают проживать в Кобэ, а свои офисы открывают в г. Осака, который до сих пор остается центром текстильной торговли. Общинная жизнь проходит в г. Кобэ. Здесь расположены индийские общинные организации «Индийский клуб», «Индийское социальное общество», религиозные учреждения, а также частные международные школы с преподаванием на английском языке, которые посещают дети предпринимателей. В 70-х гг. XX в. многие синдхские и др. индийские фирмы переквалифицировались на торговлю японской электроникой по всему миру, продажу которой они осуществляют через свои предпринимательские сети.

В 70-х гг. XX в. в Кобэ начали также приезжать и селиться предприниматели-джайны. Практически все они занимаются в Японии торговлей жемчугом. Можно отметить существенную конкуренцию между двумя наиболее многочисленными общинами: синдхов и джайнов. Однако в настоящее время, в связи с уменьшением численности «старых» индийских общин в Японии, разобщение между двумя общинами постепенно исчезает и наблюдается явная тенденция к сближению.

С 1953 г. обособленно от общины в Кобэ начала формироваться предпринимательская община на Окинаве, состоящая также преимущественно из синдхов и их семей. В конце 1980-х гг. их численность достигла 169 чел. (прим. 47 семей). Долгое время ин-

дийцы на Окинаве были так или иначе заняты обеспечением товарами американской военной базы «Футэмма», в основном пошивом одежды для американских военных и членов их семей. Однако в наше время все чаще их покупателями становятся местные жители. В 1961 г. было создано «Индийское социальное общество» на о-ве Окинава. Здание Общества принадлежит одной из индийских семей. Здесь же с 1985 г. располагается индуистский храм – мандир, в котором сейчас, в основном, собираются последователи неоиндуистского общества Саи Бабы. Индийцы на о-ве Окинава являются достаточно закрытой общиной, и они не поддерживают тесных социальных связей ни с японцами, ни с другими иностранцами, включая индийские общины в других частях Японии.

Рост курса японской йены влечет подорожание японских товаров. Кроме того, сильная конкуренция со стороны Новых индустриальных стран (НИС) плохо сказывается на бизнесе индийцев, занимающихся, главным образом, экспортом. Это приводит к уменьшению значения и влияния «старой» предпринимательской индийской общины, что находит отражение в данных «Индийской торговой палаты в Японии»: с 1987 по 2011 гг. число фирм, принадлежащих индийцам, уменьшилось на 59 (с 158 до 99 фирм).

В **Главе 3 «Изменение характера миграции в 80-х гг. XX в. Трудовая миграция»** рассматривается массовая трудовая миграция из стран Южной Азии в Японию, которая началась в 80-х гг. XX в. и очень быстро значительно превзошла «старую» предпринимательскую индийскую общину по численности. Глава состоит из трех разделов.

В §1 «Общие данные по рабочей миграции из Южной Азии в Японию» приведены различные статистические данные по численности мигрантов и характеру миграции из Южной Азии в Японию, начиная с 80-х гг. XX в. На 2014 г. число мигрантов из Южной Азии составляло ок. 90 тыс. чел. Это ок. 4 % от общего числа мигрантов, зарегистрированных в Японии. Общины выходцев из Южной Азии в Японии увеличиваются главным образом за счет прибывающих «новых мигрантов» – ИТ-инженеров из Индии и низкоквалифицированных рабочих из Бангладеш, Пакистана, а также поваров из Непала, которые приезжают в Японию в статусе «квалифицированные рабочие».

В §2 «Миграция низкоквалифицированных рабочих» рассматриваются причины трудовой миграции, а также вопросы социально-культурной адаптации мигрантов из Южной Азии в японском обществе.

Факторы, вызывающие миграционные процессы, охватившие Азию в 80-х гг. XX в., и способствовавшие миграции из Южной Азии в Японию можно классифицировать терминами *выталкивания-притяжения*. Кроме того, существуют и дополнительные факторы, влияющие на миграционные потоки в ту или иную сторону.

К факторам выталкивания (push factors) в случае мигрантов из Южной Азии относятся:

- нестабильность экономики в странах Южной Азии и вызванные этим проблемы трудоустройства;

- нестабильность политической ситуации в ряде стран Южной Азии (в частности, часть мигрантов из Бангладеш были членами студенческих политических кружков, подвергавшихся преследованиям со стороны правительства).

К так называемым факторам притяжения (pull factors) миграции в Японию можно отнести следующие факторы:

- укрепление курса йены;
- острая нехватка трудовых ресурсов в обрабатывающей и строительной индустрии Японии;
- высокая оплата труда в Японии по сравнению с другими странами Азии;
- положительный имидж Японии как самой высокоразвитой, высокотехнологичной страны в Азии, сложившийся в странах региона Южной Азии (впрочем, вероятно, это представление будет постепенно меняться);
- свобода от религиозных ограничений. Такая свобода могла быть довольно привлекательной для молодых людей.

Дополнительные факторы:

- поощрение правительствами стран региона Южной Азии рабочей миграции за границу, поскольку это позволило сократить безработицу в странах и увеличить приток средств на родину;
- упрощенная процедура въезда в Японию для мигрантов из Бангладеш и Пакистана благодаря действовавшим в течение долгого времени соглашениям о безвизовом въезде в страну (с Пакистаном у Японии соглашение было заключено в 1961 г., с Бангладеш – в 1973 г.);
- замедление экономического роста нефтедобывающих стран Ближнего Востока, вызванное падением цен на нефть и снижением государственных доходов, что заставило многих выходцев из Южной Азии, рассматривавших ранее возможность миграции в страны Ближнего Востока, искать альтернативные направления.

Кроме культурно-экономических факторов есть и сугубо личные причины, которые побуждали молодых людей из Южной Азии к эмиграции в Японию. В частности, известны случаи, когда молодые пакистанцы и бангладешцы уезжали в Японию, желая избежать брака по договоренности, организованного родителями.

Выезд представителей некоторых групп южноазиатского населения в Японию на заработки можно также рассматривать как осуществление стратегии расширенной семьи (*бирадари*) по уменьшению экономических рисков путем создания транснациональной родственной сети.

Япония как принимающая мигрантов страна имеет свои культурные особенности, и одна из главных – этноцентризм японской нации. Исследователи ищут культурные предпосылки для этого в географической дистанцированности Японии от других стран, ее островном положении, этнической однородности и гомогенности японского общества, в национальной религии синто и т. д. Военно-политические успехи Японии в конце XIX –

сер. XX вв., затем «японское экономическое чудо» во второй половине XX в. убеждали японцев в правильности традиционного общественного уклада, а в мигрантах японцы видят угрозу стабильности японского общества. Японцев также настораживает провал политики мультикультурализма на Западе, в частности, - в Великобритании, Германии, Франции, где иноэтнические и инокультурные группы населения не были интегрированы в социум этих стран, и молодые когорты этих групп стали «нарушителями спокойствия».

Несмотря на складывающуюся экономическую ситуацию, официальная миграционная политика японского правительства шла вразрез с интересами японских промышленников, которые в силу различных факторов с конца 80-х гг. XX в. испытывают нехватку трудовых ресурсов. До настоящего времени так и не создана легальная база для трудовой миграции низкоквалифицированных рабочих. В результате, низкоквалифицированные мигранты главным образом из Пакистана и Бангладеш, трудоустраивались в Японии нелегально. Мигранты при поиске жилья, налаживании быта, трудоустройстве в Японии вынуждены были полагаться преимущественно на этнические социальные сети. Чем дольше нелегальные мигранты продолжали находиться в Японии, тем сильнее у них росло желание узаконить свое пребывание в стране, чему японские власти всячески препятствовали.

Мужчины-мигранты могли легализовать свой статус пребывания с помощью брака с гражданками Японии. Среди мигрантов из стран с преобладающим числом населения, исповедующим ислам, со статусом «супруг(а) японца/японки» традиционно много мигрантов-мужчин из Ирана, Пакистана и Турции и несколько меньше из Бангладеш (число мигрантов с этой визой из Бангладеш сократилось с 9,3 % в 2000 г. до 5,6 % в 2004 г.). Что касается женщин, то большинство замужних мигранток в Японии из Бангладеш, Ирана, Пакистана и Шри-Ланки – замужем за мужчинами из одной с ними страны происхождения, и лишь небольшое число женщин замужем за японцами. Это может быть связано как с запретами в исламе на брак женщин с немусульманами, так и с ограничениями для мусульманских женщин на переезд в другую страну без сопровождения. Однако примечателен факт «импорта» невест из Шри-Ланки в сельскую местность. В ряде сельских районов Японии экономическая ситуация привела к массовому переезду японских девушек в город. По этой причине в сельской местности получила распространение практика «импорта невест» из таких стран как Филиппины, Корея, Китай и Шри-Ланка. Примечательно, что «интернационализация» Японии через международные браки происходила в консервативной сельской местности.

Перед вступлением в брак японки обычно принимают религию мужа. И если изначально японские женщины воспринимают это не более как необходимую формальность, то многие из них в дальнейшем начинают следовать религиозным предписаниям в своей повседневной жизни. В частности, японские жены, принявшие ислам, начинают покрывать голову при выходе из дома, выполнять молитву намаз, потреблять только разрешенные исламом продукты питания, соблюдать посты и др. Сами японские женщины не про-

сто адаптируются к образу жизни своих мужей, но активно формируют свою собственную идентификацию мусульманок, что не всегда положительно воспринимается в японском обществе. До некоторой степени эти женщины превращаются в «чужаков», даже не покидая своей родной страны.

В таких международных браках бывает сложно подстроиться под различные семейные уклады и традиции, сложившиеся в странах происхождения мигрантов и Японии. Это относится к вопросам, связанным с трудоустройством супруги мигранта, управлением семейными финансами, степени участия и влияния других родственников в жизни нуклеарной семьи. Серьезным вопросом становится воспитание детей, особенно дочерей, в таком международном браке. Большинство мужчин из Южной Азии стремятся воспитать своих детей в южноазиатской религиозной традиции. В частности, воспитание детей-мусульман в немусульманской среде представляется довольно сложной задачей, поэтому, если достаток семьи позволяет, индийцы и другие выходцы из Южной Азии стараются отдать своих детей в частные международные школы, где внимательнее, чем в японских государственных школах относятся к этно-культурным и религиозным особенностям воспитания детей.

В ряде случаев брак для выходцев из Южной Азии – часть стратегии на продление своего пребывания в Японии. Не менее распространенной практикой является продление мигрантами из Южной Азии пребывания в Японии за счет повышения квалификации, так как квалифицированным работникам легче получить японскую визу. Это привело к массовой продаже виз владельцами этнических ресторанов. Особенно это касается мигрантов из Непала, которые покупают визы поваров этнических ресторанов.

Согласно данным японской переписи населения среди иностранцев за 2000 г. процент пакистанцев, занятых в бизнесе, составляет примерно 26 %. Среди всех «новых» мигрантов пакистанцы лидируют по числу бизнесменов. Высок процент, занятых в бизнесе индийцев (19 %) и шриланкийцев (ок.12%). Бангладешцы находятся на восьмом месте. Ряд деловых ниш, таких как экспорт подержанных автомобилей, а также торговля разрешенными исламом продуктами (халяль), прочно закреплен за выходцами из Южной Азии. Большинство нынешних бизнесменов южноазиатского происхождения в Японии являются бывшими нелегальными мигрантами, женившимися на японках, которые также часто работают в фирмах мужей. Массовый переход южноазиатов к предпринимательству можно объяснить как дискриминацией при трудоустройстве в Японии, так и предрасположенностью к предпринимательской деятельности, вызванной социально-культурными особенностями южноазиатского общества. В частности, предпринимательство повышает социальный статус в стране происхождения мигрантов, где собственный бизнес воспринимается как символ успеха и благополучия.

Мигранты, вернувшиеся на родину после длительного пребывания в Японии, в большинстве своем не только смогли заработать значительный денежный капитал, который шел на оплату семейных церемоний, приобретение иностранных товаров и инвести-

ции в недвижимост, но и скопить достаточно средств на открытие собственного бизнеса. За время пребывания в Японии мигранты получили также ценный опыт, который можно определить как капитал, выраженный в виде проникновения образа мыслей, действий, социальных отношений из принимающего общества в отправляющее.

§3 «Миграция ИТ-инженеров из Индии» рассматривает самое перспективное направление индийской миграции в Японию – приезд индийских инженеров информационных технологий. Япония сталкивается с кадровым дефицитом высококвалифицированных специалистов. В этой связи был принят ряд поправок в миграционное законодательство, упрощающих получение разрешения для работы квалифицированных рабочих, а также получение ими вида на жительство. В 2014 г. было зарегистрировано 3922 индийца, имеющих визу категории «инженер», и по численности их превосходят только инженеры из Китая и Кореи. Однако, несмотря на ряд преимуществ, которыми обладают индийские ИТ-инженеры, им часто оказывается тяжело привыкнуть к условиям работы в японских компаниях, а также преодолеть языковой барьер. Тем не менее, большинство ИТ-инженеров и членов их семей рассматривают Японию как комфортную для себя страну проживания. Налаженные этнические социальные сети позволяют индийцам легче адаптироваться к жизни в чужой стране.

С 2000 г. программисты из Индии предпочитают селиться в округе Эдогава, в местности Нисикасай, которую японцы называют «Индодзингай» («Индийский город»), а сами индийцы используют название «Малая Индия» («Little India»). Индийцы в Эдогава создали общинную организацию «Индийская община в Эдогава» (ICE). С помощью активистов в районе Эдогава была создана удобная инфраструктура для проживания индийцев, которая включает магазины индийских товаров, индийскую общеобразовательную школу. В 2001 г. здесь был построен индуистский храм. Сейчас члены общины поддерживают связь друг с другом через группы в социальной сети «Фэйсбук», однако наибольшей популярностью продолжает пользоваться бесплатная интернет-рассылка, действующая с 2000 г.

В целом, для индийской общины в Нисикасай характерна меньшая степень разделения ее членов по кастовому, религиозному и этническому признакам, нежели это можно наблюдать в «старой общине» в Кобэ, а главным объединяющим фактором является осознание принадлежности к одному классу и профессии.

До недавнего времени в районе Нисикасай практически полностью отсутствовала развлекательно-театральная часть, характерная, например, для «чайнатаунов» в Йокогаме и Кобэ. Однако, за последние два года здесь отмечается увеличение числа индийских ресторанов. «Индийский город» в Эдогаве является очень популярной темой в японских СМИ и частных блогах. Лидеры индийской общины Эдогава регулярно появляются на японском телевидении, интервью с ними публикуются в различных журналах. Также ежегодный фестиваль, приуроченный к индийскому празднику Дивали (индийский Новый год, празднуется в октябре-ноябре), привлекает большое число посетителей со всего Токио и

других префектур Японии. Возможно, в будущем «Индийский город» в Нисикасай станет одним из новых туристических объектов в Токио.

Глава 4 «Южноазиатские общины в эпоху глобализации» посвящена проблемам культурно-бытовой адаптации, социальным и религиозным институтам выходцев из Южной Азии в Японии, а также влиянию глобализации и транснационализма на эти практики. Глава состоит из 3 разделов и в большой степени основана на полевых исследованиях автора диссертации.

§1 «Индийская община в Японии как транснациональная община» рассматривает транснациональный образ жизни мигрантов из Южной Азии. Это, в частности, ежедневное общение по интернету с родственниками и друзьями, оставленными на родине, регулярные поездки в другие страны и т. д. Цели поездок могут быть деловыми (чаще у мужчин), бытовыми, такими как посещение родственников во время семейных торжеств (свадьба, имянаречение новорожденного, похороны и т. д.). Паломничество к святым местам или посещение духовного наставника также являются частыми причинами отъезда. Можно сделать вывод о том, что транснациональный образ жизни характерен для мигрантов с высоким достатком. Такой образ жизни также оказывает серьезное влияние на самоидентификацию мигрантов и помимо различных выгод может доставлять множество эмоциональных переживаний. Кроме того, он становится препятствием для интеграции южноазиатов в японское общество.

Особо надо отметить влияние современных информационных технологий на процессы адаптации выходцев из Южной Азии. Интернет с его возможностью поддерживать моментальную связь в мире становится одним из главных факторов, препятствующим интеграции индийцев в японское общество, и также способствует созданию «виртуального мира» южноазиатских общин и укреплению диаспорального самосознания.

В следующем разделе §2 «Хозяйственно-культурная адаптация индийцев в Японии» рассматриваются особенности налаживания быта мигрантов, а именно, какие традиционные элементы южноазиатского быта сохраняются, а какие заменяются японскими и западными традициями. В этом же разделе уделено внимание сохранению и воспроизведению распространенной среди индийцев практике заключения браков по сговору (браков по договоренности).

На основе собственных полевых наблюдений диссертант делает вывод, что индийцы, как и другие выходцы из Южной Азии, проживающие в Японии, в целом, очень консервативны при выборе пищи, одежды, обустройстве своих жилых пространств и сохраняют приверженность к национальным традициям на протяжении нескольких поколений жизни в Японии.

Автор диссертации отмечает слабую языковую адаптацию мигрантов. Обычно мужчины владеют японским языком лучше, чем женщины, так как он им в определенной степени требуется для работы. Крепкие связи с другими членами индийской общины, а также налаженная инфраструктура в Японии (магазины с самообслуживанием, хорошая

работа коммунальных служб, доступность многих сервисов через англоязычные сайты) приводит к тому, что у индийских женщин практически нет необходимости в повседневной жизни общаться с японцами. С другой стороны, малообеспеченные индийцы и другие выходцы из Южной Азии чаще нуждаются в той или иной поддержке со стороны японского общества и, как правило, прикладывают больше усилий для изучения японского языка и культурно-бытовой адаптации. В результате их языковая и культурно-бытовая адаптация проходит лучше, чем у обеспеченных индийцев. Мигранты с высоким достатком, занятые в собственном бизнесе, меньше зависят от японского социума, следовательно имеют больше ресурсов для поддержания собственной индийской идентичности.

Отмечается, что в 80-х гг. XX в., когда мигранты из Южной Азии начали массово приезжать в Японию, они чаще становились объектами ксенофобии со стороны японцев. Сейчас японцы становятся более толерантными. Однако согласно полевым материалам диссертанта, в довоенное и послевоенное время глубина и интенсивность межкультурных контактов между японцами и индийцами была выше, чем в наши дни. Современная молодежь, как индийская, так и японская подчас демонстрирует нежелание искать новые знакомства, предпочитая компьютерные игры и общение в интернете живому общению. Тем не менее надо отметить, что набравшие популярность в последнее время южноазиатские рестораны, частные уроки по южноазиатской кулинарии, становятся новой площадкой, где происходит кросс-культурное общение индийцев и японцев.

Индийцы редко проявляют глубокий интерес к японской культуре, забывая порой и индийские традиционные искусства. Японские ученики, занимающиеся традиционными индийскими искусствами, могут проявлять к индийской культуре более глубокий интерес и уважение, чем сами индийцы.

§3 «Конфессиональные группы и религиозные практики индийской и южноазиатских общин в Японии» показывает, что для большинства выходцев из Южной Азии, как на Индийском субконтиненте, так и в диаспоре, религия является основой, вокруг которой формируется этническая идентификация. Самой наглядной демонстрацией своей религиозной принадлежности у мигрантов из Южной Азии является основание ими в Японии южноазиатских религиозных учреждений. Религиозный состав членов южноазиатской общины крайне неоднороден. Этим объясняется большое количество храмов и религиозных учреждений разных конфессий. В частности, в Кобэ действует сикхский храм гурдвара, джайнский и индуистский храмы, мечеть, основанная совместно мусульманами-индийцами и эмигрантами-татарами из России. Необходимо отметить также сильное влияние неоиндуистских движений, таких как духовный институт Брахма Кумарис, Радхасвами Сатсанг Биас, а также – «Международного общества Сознания Кришны» и основание ими своих духовных центров в Кобэ, Токио и других городах Японии. В настоящий момент большинство последователей этих религий составляют японцы. Однако когда неоиндуистские организации в 60-70-х гг. XX в. начали проникать в Японию, то во многом их

лидеры опирались на состоятельных индийцев из предпринимательской общины, живущих в Японии, которые становились последователями этих религий. Этим объясняется тот факт, что в настоящий момент представители предпринимательской индийской общины занимают руководящие посты почти во всех неоиндуистских организациях. Отмечается также наличие духовных наставников, гуру в Индии или другой стране, с которыми индийские семьи поддерживают связь из Японии и которых нередко приглашают к себе. Паломнические поездки индийцев на родину и в другие страны, где имеются религиозные центры их общин, повышают социальный статус индийцев в диаспоре, а также способствуют укреплению связей с единоверцами за рубежом. В ряде случаев мы можем говорить о создании «конфессиональных» транснациональных общин.

Религиозная практика осуществляется не только в стенах храмов. Первостепенное значение для многих индийцев имеют домашние молитвы, а также выполнение цикла обрядов, сопровождающих ключевые события жизненного цикла человека, таких как рождение, брак и смерть. Ключевую роль в воспроизведении домашней религиозной практики и передаче религии последующим поколениям играет женщина.

Заключение. В Заключении подведены основные итоги диссертационного исследования и, в соответствии с поставленными задачами, сформулированы следующие выводы:

1. Миграцию из Индии и других стран Южной Азии в Японию можно разделить на три больших потока.

Первый поток. Миграция в Японию из Британской Индии представителей торгово-ростовщических групп и формирование ими предпринимательской общины с центром в г. Кобэ (со вт. пол. XIX по вт. пол. XX в.). Эта община в японских источниках обычно обозначается как «старая община», в противоположность «новым» мигрантам, приехавшим по новым траекториям с начала 80-х гг. XX в.

Второй поток. Массовая миграция нелегальных рабочих, главным образом, из Пакистана и Бангладеш в конце 80-х – нач. 90-х гг. XX в. Сейчас большинство бывших нелегалов либо реэмигрировали на родину или в третьи страны, либо так или иначе узаконили свое пребывание в Японии. Еще одним путем легализации пребывания в Японии стало получение визы «квалифицированных» рабочих, поваров этнических ресторанов. Многие из бывших нелегальных рабочих являются сейчас владельцами собственного бизнеса в Японии или в странах Южной Азии.

Третий поток. С начала 2000-х гг. в Японию начали приезжать квалифицированные рабочие, ИТ-инженеры из Индии. Центр проживания индийских ИТ-инженеров находится в Токио, в округе Эдогава, местности Нисикасай.

2. Несмотря на свою малочисленность, индийская община на разных исторических этапах вносила значительный вклад в экономику и культуру Японии. Япония, в свою очередь, играет важную роль в социально-экономическом развитии южноазиатской глобальной сети, а следовательно, и стран Индийского субконтинента.

3. Этнические сети играют решающую роль в организации миграции в Японию, а также культурно-бытовой адаптации мигрантов и интеграции. Это прежде всего социальные сети синдхов, гуджаратцев, пенджабцев, бенгальцев.
4. Массовый переход «новых» мигрантов к предпринимательству можно объяснить как дискриминацией при трудоустройстве в Японии, культурной предрасположенностью к предпринимательской деятельности, так и стремлением к поддержанию или повышению социального статуса в стране происхождения.
5. Большая часть мигрантов из Индии ведет транснациональный образ жизни, проживая между Японией, страной происхождения или другими странами – центрами концентрации проживания мигрантов из Южной Азии. В результате, они не ассимилируются с японским обществом, но их отношение к родине тоже меняется. Современные коммуникационные технологии являются одним из главных факторов, препятствующих ассимиляции выходцев из Южной Азии, а также способствуют созданию «виртуального мира» южноазиатских общин и укреплению диаспорального самосознания.
6. Для большинства индийцев в Японии религия является важным фактором идентификации и фактором, объединяющим и поддерживающим представителей разных групп выходцев из Южной Азии. Однако одновременно с этим религия становится основной причиной сегрегации внутри диаспоры.
7. Женщины играют главную роль в воспроизведении религиозных практик и передаче религии через поколения. Однако мигранты второго, третьего поколений могут значительно адаптировать религиозные практики своих родителей, разграничивая религию и культуру.
8. В целом, даже на протяжении нескольких поколений индийцы и другие выходцы из Южной Азии в Японии продолжают сохранять приверженность к бытовым привычкам и культуре, характерным для Индийского субконтинента. Степень культурно-бытовой ассимиляции и интеграции в меньшей степени зависит от времени пребывания в Японии, а в большей – от вида занятости, финансового достатка мигрантов. Мигранты с высоким достатком, занятые в собственном бизнесе, меньше зависят от японского социума, следовательно имеют больше ресурсов для поддержания собственной индийской идентичности.
9. Транснациональный образ жизни приводит к образованию новых этнических самоидентификаций среди мигрантов из Индии, в частности, космополитической или диаспоральной. Однако самоидентификация непостоянна, она может меняться в зависимости от поколения мигрантов, возраста, социального статуса и т. д.
10. Анализ демографической, культурной и социально-экономической ситуаций в Японии и в странах Индийского субконтинента позволяет сделать предположение о будущем увеличении численности мигрантов из этого региона, а также о том, что их влияние на экономику и культуру Японии будет возрастать.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в реферируемых журналах из списка ВАК:

1. Фирсова В.С. Индийцы в Японии: прошлое и настоящее // Вестник СПбГУ. – Сер. 13. – СПб., 2012. – Вып. 4. – С. 29–36.
2. Фирсова В.С. Религия и идентификация мигрантов из Южной Азии в Японии // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 6. – С. 123–127.
3. Фирсова В.С. Межкультурные контакты в контексте миграции (на примере индийской общины в Японии) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб., 2015. – Вып. 2. – С. 295–304.
4. Фирсова В.С. Формирование индийской предпринимательской общины в Японии с конца XIX в. – в первой половине XX в. – Вестник ВолГУ. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения». – 2016. – № 1. – С. 34–41.

Статьи:

5. Фирсова В.С. «Формирование индийской диаспоры в Японии» // *Orientalica et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. История и культура традиционной Японии (XXXIX). – 2011. – С. 421–430.
6. Фирсова В.С. Информационный ресурс «Многонациональная Япония» // Труды международного библиографического конгресса. Часть II. – 2012. – С. 154–158.
7. Фирсова В.С. Индийская диаспора в Японии // Материалы полевых исследований МАЭ. – Вып. 13. – 2013. – С. 122–136.
8. Фирсова В.С. Мусульмане из Южной Азии в Японии // Тахиййат. Сборник статей в честь профессора Николая Николаевича Дьякова. Арабистика – Исламоведение – Этнография. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. – С. 328–342.